

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

Салют в честь Гамзатова

Сегодня, когда общество и культура так нуждаются в истинных лидерах, способных взять на плечи груз непростых проблем и не побояться серьёзной ответственности за их разрешение, обладающих не купленным, не имиджевым авторитетом, — мы не случайно с громадным уважением вспоминаем Расула Гамзатова. Конечно, и он не был свободен от издержек советского официоза, и он обязан был играть по правилам, установленным до него, но, несмотря на всё это, сумел остаться достойной и яркой личностью. Именно поэтому его мнением дорожили читатели и вынуждены были считаться с ним власти предрекающие, что шло на пользу и всей советской литературе.

Познакомилась я с Расулом Гамзатовым в Доме творчества «Переделькино» в самом начале 90-х. Произошло это очень естественно, по-соседски. И чем больше мы беседо-

вали — на тропках ли парка, за русским ли самоваром, на дружеской ли встрече, — тем интерес к знаменитому горцу становился всё весомее. Новые грани ума его и души открывались как бы сами собой.

Однако я бы не простила себе, если бы по пути не заносила в записную книжку кое-что из афоризмов, слетающих с его языка так же естественно, как ветер с листьев. С некоторыми из них я познакомлю читателя. Но Гамзатов время от времени всё-таки ввёртывал с улыбкой: «За чем записываешь обо мне? КГБ всё знает!»

О многом мы говорили тогда. Расулу Гамзатовичу не надо было объяснять свою точку зрения, приводить примеры и доказательства: одного-двух фразами он добивался весомого результата. Памятью о его известной песне о коне и дороге, Гамзатова спросили: «А сегодня кто виноват: конь или дорога?» Он тут же парировал: «Всадники без головы». Напомню только, что фразы эти прозвучали на заре перестройки.

Но быстро пролетели две переделькинские недели, ранним мартовским утром Гамзатов вышел, чтобы попрощаться со мной и мужем. На память о встречах он написал и подарил недавно вышедшую книгу публицистики «Суди меня по кодексу любви».

Уже в электричке я прочитала её первые страницы, параллельно

вспоминаю наши разговоры о «дне сегодняшнем и дне минувшем». И ещё раз убедилась: нет, Гамзатов отнюдь не относится к классикам, которые вчера были обласканы прессой и властями, а ныне пребывают в «законном» забвении. В отличие от тех крикунов, что готовы были судить всех и вся, Гамзатов суд времени начинал с самого себя:

...Не думал, что за всё расплата ждёт:
За суету, за глупые раздоры...
Сам виноват.
Как тяжёлая жизни гнёт...
Как высоко и благоухает горы!

Да, многое было в те годы. Кажется, не осталось званый и наград, коими в советское время не был бы отмечен Гамзатов. И за всё это надо было платить: громкими речами, пышными застольями литературных декад и многим другим, в том числе и золотом своей души. Но когда верноподданные почитатели отвернулись от него, когда сменилась власть и в Кремле, и в Союзе писателей, когда в седую его голову полетели разного рода камушки и камни, — он не укрылся, как многие из его плеяды, в сытом уютном подполье дожидая свой век среди близких. Он вышел в бурлящее море вместе со всеми и подставил плечи под общую ношу этих трудных дней. Согласитесь, такое не уважать нельзя.

Мне вспоминается, как в пору карабахского противостояния между Арменией и Азербайджаном, когда дело дошло до резни, организовали круглый стол с видными деятелями искусства, кото-

рый транслировала Москва. До сих пор помню, сколько тревоги и смущения было в голосе Гамзатова, в том числе и потому, что его единоверцы-мусульмане проявили тогда неслыханную жестокость даже к детям и женщинам.

Гамзатов всегда оставался верен себе: вместо рассуждений и поучений, на что чаще всего он имел законное право, в его книгах на первый план выходят крылатые фразы, афоризмы и стихотворные строки, бьющие «в десятку».

К примеру, «Юбилейное»:

Организуем юбилей поэту,
Ведь у него чины, награды,
Званья.
Одна беда:
стихов приличных нету
Для юбилейного издания.

А как обойти «Резолюцию на заявление в Литфонд», в короткое время ставшую популярной:

Прошу
из соответствующих смет
Подателем помочь деньгами
снова.
И нам известно: он плохой поэт,
Но дети литератора плохого
Не знают,
что в семье талантов нет,
И просят есть,
как дети Льва Толстого.

И вновь — серьёзно, максимально точно и весомо:
«Не будь столь сухим, чтобы
хрустнуть и сломаться, но и не будь
столь мокрым, чтобы тебя выжи-
мали, как тряпку».

«Литературное произведение,
если в нём не видно автора, — всё
равно что конь, бегущий по дороге
без всадника».

И продолжается разговор о времени, о себе, о России. И уже сами стихи становятся поступком; стихи, которые невозможно читать без волнения:

Россия, больно мне, не скрою,
Бывает уроженцу гор,
Когда чернит тебя порою
Разноплеменный оговор...
Хоть вознесла сама на кручи
Ты громовержцев молодых,
Но всей планеты видят тучи
Они лишь в небесах твоих...

Думаю, не стоит объяснять, насколько много значила для Расула Гамзатовича поэзия. Но не только поэзия. К каждому слову в разговоре он относился фантастически ответственно. Вот почему брать у него интервью было, ей-богу, таким же фантастически трудным делом, потому что он по несколько раз выверял любое слово, искал более точное, потом возвращался к первому варианту, — и так до тех пор, пока не был уверен в достигнутой цели.

Прошло без малого десять лет, и в сентябре 2003 года волею судьбы я участвовала в юбилейном вечере легендарного дагестанца в библиотеке имени Ленина, который, как всегда вдохновенно, проводил поэт Валентин Сорокин. Юбилюру исполнилось 80 лет и, несмотря на понятный, уже не молодецкий, вид, глаза его оставались так же внимательными и зоркими. Конечно, все мы старались максимально выразить и уважение, и любовь к этому мощному художнику и человеку. И после торжественной части Расул Гамзатович сидел, как обычно, во главе стола, и удивительная магия мудрости и духовной силы исходила от него...

Спустя два месяца его не стало. Известно, что волей и сердцем Расула Гамзатова положено начало празднику, который не в силах отменить никакая новая эпоха, никакие новые лидеры. Это День Белых журавлей, обретший статус Всероссийского дня памяти. И знаменитая песня «Журавли» стала символом этого события. На кавказской земле, в Гунибе, есть памятник и песне этой, и тем, кому она посвящена, и замечательной традиции помнить и беречь общине наши святые.

Всё это доказательство того, что путь Гамзатова, сына немногочисленного аварского народа, хоть и был в своё время усыпан розами, сродни рискованной каменной дорожке, которая требует от путника очень многого, невидимого простому глазу.

Не будем забывать, что благодаря переводам Гамзатова многие произведения наших классиков-поэтов стали доступны читателям в Дагестане. На его стихи писали песни такие замечательные композиторы, как Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александр Пахмутова, Мурад Кажлаев и другие; его творчество высоко ценили Ярослав Смеляков, Александр Фадеев, Самуил Маршак, Корней Чуковский, Михаил Светлов. И потому не случайно память о Расуле Гамзатове расширяется и крепнет. В честь великого горца небо Дагестана расцветается салютами... Это ли не любовь, это ли не признание, продиктованное самим народом?!

А мне остаётся закончить сей очерк стихотворением, навеянным теми днями в Переделькино, которое было тогда гораздо большим, чем просто местом для работы, хоза и творческой.

В тот день, воссиявший из мрака
Почти к золотым куполам,
Блестали стихи Пастернака,
Созвучные колоколам.

Весну воспевала природа,
А снег уходил не спеша,
И подня прохладные броды
Ласкали горячность жил,

И были в тиши разговоры,
И было вино из Баку,
И не было буднего сора
На этом живом берегу.

И нынче, в раздумьях о разном,
Когда и вискам горячо,
Святой переделькинский
праздник
Так светится в сердце ещё!

Раиса РОМАНОВА

Ключ к единению о двух книгах Валерия Латынина

Последней из прочитанных мною книг Валерия Латынина была поэтическая — «Дорога к Дону». Лейтмотив этого сборника — в строках:

Я сердцем вижу,
Что ещё не скоро
Придёт в Россию
Мирная пора

Сквозь настеперь
Проходит порубежье!
Судьба Отчины
Требуется
Пред вечным злом,
Воистинным, как прежде,
Неодолимою силой стоять!

Но не только звон кольчуги слышим в прямой и открытой речи поэта. Он, размышляя о судьбе родной страны и характере её народа, приходит к простому и ясному пониманию неповторимого склада русской души, предлагает собственную, личным жизненным опытом подтверждённую трактовку её «загадочности»:

И пажиты —
природная основа
Прекрасного
в характере людей.

Поэт уважает и несёт с достоинством в себе и своём творчестве собственную судьбу, свою родовую биографию. Небольшая поэма «Дорога к Дону» — приветствие и поклон малой родине, где всё мило и соразмерно строю и ладу души автора. Книга тематически полновочувственна: раздумья о смысле жизни и тревогах времени; осознание ответственности и нравственный кодекс современника; постижение ментальности народа и забота о сохранности

ценностей духовных; восхищение родной природой и боль душевная «о погибели земли русской»; этика творчества и горячие порывы темпераментной, живой натуры; любовная лирика.

По устоям православия, по добротолобию выверены строки латынинской лирики, и лучшие уроки русской поэтической традиции усвоены им органично: Есенин и Гумилёв, Павел Васильев и Рубцов, Твардовский и Юрий Кузнецов... Русская классика XIX века — также стихия, родная для поэта: Пушкин, Фет, Некрасов, Бунин. Стих Латынина на пластичен, мелодичен, тонко озвучен:

И так обманчиво сквозя стёкла,
Теплом унесимся дразня,
Текут из солнечного сопла
Лучи нежаркого огня...

Опора творчества поэта несомненно и очевидна: «Народ — соавтор книг моих, а я — судьбы его сказитель», — удостоверяет он. Желая принадлежать к корням, чтобы восстановить силы и душевное равновесие, необходимые творцу, отправляется поэт к землякам-казакам, на Дон. Но с горечью замечает, что «острые осколки окаянства долетают из Москвы сюда». Его сердце ранят картины нынешней разрухи и упадка, и, выполняя долг, он обращается к землякам, желая донести до их сознания горькую истину.

Поэтическая судьба — всегда миссионерство, и поэт вызывает к исторической гордости нации, приглася её к соратничеству:

На Россию, как на труп,
со всех сторон
Устремились орды
пуганых воронов.

Расхрипали их не голод,
не нужда —
Наше пьянство, разобщённость
и вражда.

Гей вы, молодцы,
потомки Ермака!
Не наскучило валять вам дурака?
Поглядите, кто там
Родиону кроит
По живому и по камням
древних плит!

Чувствовать и думать сегодня иначе не может уроженец донской станицы, офицер русской армии, полковник запаса, поэт.

Лирический герой Латынина похож на автора, как родной брат. И мы уже любим его, его судьбу, его родину. А пафос его убеждений — страстная проповедь единения — близок родственным душам.

* * *

Но сегодня у меня на столе новая книга Валерия Латынина «Восток — книга века». Я получила этот томик стихов от автора в дар. Достоинская скромность оформления, высокая культура издания прекрасно соотносятся здесь с высотой содержания стихов и переводов. В книге отражены жизненный и духовный опыт поэта за последние десятилетия.

В сборнике шесть разделов, и такая композиция обеспечивает разносторонность содержания, широкий тематический охват.

«Возвращение в юность» — поклон юнопесенной дружбе и любви, благодарность местам и людям, верным спутникам беззаботных ещё дней. Тем, кто согревал и воспитывал юную душу.

Раздел «На земле и в небесах» ведёт нас по маршрутам судьбы самого Валерия Латынина и дарит целую галерею запоминающихся образов: русские моряки, рыцари Андреевского флага, беженцы из России, разбросанные по миру казаки, потомки беженцев; а также отклики на события и впечатления повседневной жизни.

«Переключка близких душ» —

художественные переводы. Здесь видим, что переводчик глубоко вживается в материал и частица его души всегда ощущается в переведённом тексте иноязычного поэта, сообщая непосредственность художественного решения темы.

Автор много ездит по миру. Время жизненной и творческой зрелости открывает ему новые возможности для постижения причин и связей как в современности, так и в историческом контексте времени. Возмужавший талант приглашает читателя на новую высоту обобщений и осмыслений: расширена география лирического поиска, углубился интерес к мировой истории, чётче стали психологические мотивировки характеров героев. Лирический герой Валерия Латынина снова в дороге. Это дорога в новые дали земные и в глубины времён, и в тайны души человеческой.

Понимая, сколь неразрывно сплетены корни и ветви событий и явлений в истории человечества, поэт открывает для себя и читателя сокровенные связи и скрепы, поводы и причины для старых горьких ошибок и новых взлётов духа...

И хотя пристальный интерес Валерия Латынина к истории общезвестен, глубина проникновения в тему, дерзкие творческие допущения порой ошеломляют.

Письмена, свидетельства времён, речь, язык — то, что более всего волнует и вдохновляет автора. Интерес его к языку активен и непреходящ. «Санскрит», «Говорящие корни», «Геннокод», «Иерусалим» и другие стихотворения — пристальный анализ неравнодушного поэта-исследователя. И повсюду — утверждение русского языка, его мировой значимости и первородства.

Но нет зашоренности в этой

неколебимой вере автора в Россию, в её глубокую и сложную историю и славную будущую, в первоуродство её языка. Сколько народов, сколько эпох и кровей сошлись и смешались, чтобы выкристаллизовалось это гордое и сильное племя — русичи...

Но главной, стержневой темой в книге остаётся тема единения славянства. От горячего призыва к сплочению русских людей в «Дорога к Дону» художник приходит в «Восток книга века» к страстной проповеди славянского единства в мире, к аполитичной нераздельности связей славянства в истории и слиянии их судеб во времени. Повторюсь: подлинная поэзия есть миссионерство, ибо говорит о насущном. Если этого нет, мы имеем дело с рифмоплётством. Много такового кочует по страницам современных книг, настолько много, что можно говорить о выхолащивании смысла, о подмене русской поэзии, искони (ещё и до Державина) наделённой гражданской активностью и неравнодушным к вызовам времени.

Сегодня же унылая рефлексия, греховное (ведь праздное слово считается одним из серьёзных грехов в православии) велеречие и словоблудие — обычное дело для стихотворцев.

Призывать ныне к единению славянства — значит быть на острие проблем человечества. Жирный червь славянофобии, не окончательно стигнувшей с Гитлером, оставив свой грязный след на благословенной сербской земле, вгрызается уже в сердцевину плода: во многих школах и вузах России поднагоревшие в литературном ремесле русофобы читают лекции, где, к примеру, объявляют Есенина совершенно бездарным. В новых «литературоведческих» книгах, на экране телевизора эти «толкователи» упорно стремятся умыкнуть из истории славные имена

нашей литературы. Что ж, что недоступно холодному уму и разрабаченному сердцу, проще всего объявить пошлостью.

В своих стихах Валерий Латынин отвечает вандалам:

Тщитесь вы
затуманить сознание,
Мрак предвещайте,
как солнечный свет.
Сердце знает:
где нет сострадания,
Там и Божьего промысла нет.

Защищая духовные основы славянства, поэт утверждает:

Славянская речь
из санскрита растёт,
И азбука умыслом Божьим
даётся.

Покуда мутантам
народ не сдаётся,
Он силу корней родословных
берёт.

А обо всех братьях-славянах, которые ещё не пришли к осознанию пагубности своей разобщённости, — печаль, сожаление и тревога поэта:

Всеславянское вече
Не скликают вожди.
Разбежались далеке,
Вобщий круг не свести.

Без труда их ломает,
Как тростинки, беда,
Всё наглей обступает
Кочевая орда.

А они — «незалежны»,
«Недурнее других»...
Под пятою железной
Гонор кончится их.

Книга «Восток книга века» — колокольный звон православия, призыв к единению народов, в котором Валерий Латынин видит спасение для всего человечества.